

РАЗМЫШЛЕНИЯ О СУДЬБАХ НАУКИ

© 1994 г., ЭО, № 6

Ю. И. Семенов

**О РАЗЛИЧИИ МЕЖДУ ДОКАЗАТЕЛЬСТВАМИ
AD VERITATEM И AD HOMINEM, О НЕКОТОРЫХ
МОМЕНТАХ МОЕЙ НАУЧНОЙ БИОГРАФИИ
И ЭПИЗОДАХ ИЗ ИСТОРИИ СОВЕТСКОЙ
ЭТНОГРАФИИ И ЕЩЕ РАЗ О КНИГЕ
Н. М. ГИРЕНКО «СОЦИОЛОГИЯ ПЛЕМЕНИ»**

Вводные замечания. В «Этнографическом обозрении» (1992, № 5) была опубликована моя рецензия на книгу Н. М. Гиренко «Социология племени» (Л., 1991). В № 2 того же журнала за 1994 г. появился отклик автора рецензированной работы под названием «О двумерном и многомерном мышлении (Заметки по поводу недоумения сердитого критика)». Почему рецензент назван сердитым, понять можно. Обычно каждый автор считает свою работу хорошей. И если на нее следует отрицательный отзыв, то он склонен думать, что все дело в недоброжелательстве рецензента.

Должен сразу сказать: с Н. М. Гиренко я не знаком, никогда с ним не встречался и никакими «порочащими его сведениями» не располагаю. Так что у меня не было ни малейших оснований на него сердиться. Все дело исключительно в содержании книги Н. М. Гиренко. Она откровенно плоха. Поэтому никакого другого объективного отзыва на нее, кроме негативного, дать было невозможно. О том, что такая оценка имеет в своей основе не предвзятое отношение к автору, а качество его работы, свидетельствует появление в журнале «Восток» (1993, № 4) рецензии на эту же книгу, еще более критичной, чем моя.

Свою оценку книги Н. М. Гиренко я детально обосновываю. И эта аргументация столь серьезна, что автор по существу даже и не пытается ее опровергнуть. Он тщательно обходит ключевые моменты рецензии, ограничиваясь мелочами и грубо извращая сказанное мною.

Доказательства ad veritatem, ad hominem и ad populum. В рецензии я отмечал, что Н. М. Гиренко в своей книге допускает все возможные логические ошибки. Эту «традицию» он с успехом продолжает и в отклике. Как известно, в формальной логике выделяется три вида доказательств. Первый — *ad veritatem*, т. е. «к истине». Суть его состоит в приведении веских, обоснованных аргументов в пользу доказываемого тезиса. Только такие доказательства являются научными.

Когда же веских аргументов в пользу доказываемого тезиса не находится, нередко прибегают к доказательствам *ad hominem*, т. е. «к человеку» и *ad populum*, т. е. «к публике» (буквально — «к народу»). Если говорить коротко, суть *ad hominem* состоит не в доказательстве какого-либо положения, а в компрометации человека, утверждения которого оспариваются. Сущность *ad populum* — в возбуждении антипатии к оппоненту, с тем чтобы заставить слушателей или читателей поверить в правильность выдвинутого тезиса или ложность его опровержения без настоящего доказательства этого тезиса.

Как утверждается во всех руководствах по логике, доказательства «к человеку» и «к публике» недопустимы в качестве самостоятельных способов и представляют собой логические ошибки. Впрочем, понять Н. М. Гиренко можно. Этот путь для него единственно возможный.

Он начинает с характеристики предшествующей эпохи как эпохи господства в общественных науках вообще и этнографии в частности «социальной догмы», «священной идеологической догмы», «классической советской концепции» (с. 162, 164. Здесь и далее ссылки на отклик Н. М. Гиренко даются в тексте). Согласно утверждению Н. М. Гиренко, самым ярким защитником этой догмы, более того, своеобразным идеологическим надсмотрщиком над учеными, работавшими в сфере первобытности, был Ю. И. Семенов. «...Примерно с конца 60-х годов он, — пишет Гиренко, имея в виду Семенова, — представлял собой подобием блюстителя теоретических нравов в изучении первобытности» (с. 162). Как идеологическому церберу, Ю. И. Семенову предоставлялось полное право «разносить» тех, кто отклонялся от догмы. Возражать ему было невозможно. Все его работы оказывались вне критики (с. 164).

«Припоминаю случай, — пишет Н. М. Гиренко, — на одном из собраний в Ленинградской части института этнографии. Проходила встреча с тогдашним главным редактором «Советской этнографии» Ю. П. Аверкиевой. Один из сотрудников, вполне активный и по настоящее время, задал ей сакраментальный вопрос: «Напечатает ли журнал „Советская этнография“ критическую статью с разбором концепций Ю. И. Семенова?» Ю. П. Аверкиева, честнейший и прямой человек, чисто-сердечно призналась: „Нет, не напечатает!“ Это было начало 70-х годов» (с. 164).

Сейчас, как указывает Н. М. Гиренко, наступили новые времена. На наших глазах рухнули все старые догмы. «Мы видим, — пишет он, — муки поиска новых ориентиров во всех сферах жизни, растерянность тех, кто утратил идеологическую точку отсчета, а подчас и огорчение от внезапной девальвации результатов своей многолетней самоотверженной научной работы. Догма перестала быть критерием истины, и ориентированные на нее работы лишились политического смысла» (с. 162). Такие люди в приступе отчаяния пытаются во что бы то ни стало отстоять себя.

Работы, свободные от догм, несущие новое слово, конечно же, вызывают у них раздражение. «Утратившие идеологическую точку отсчета» ученые в злобе обрушиваются на эти труды, причем, разумеется, в привычном для них «проработочном стиле». Вот, собственно, что стоит за рецензией Ю. И. Семенова на книгу Н. М. Гиренко. «...Критика, — подчеркивает он, — выполнена в классическом духе выволочки первокурсника на идеологической комиссии райкома» (с. 162).

Признаюсь, прием, к которому в поисках спасения прибежал Н. М. Гиренко, поставил меня в затруднительное положение. Если бы он использовал доказательства *ad veritatem*, было бы совершенно ясно, что делать. А как поступить в данном случае? Попытаться опровергнуть все сказанное обо мне? Но это значит оправдываться, а к оправдывающемуся обычно относятся строго. Раз оправдываешься, значит чувствуешь за собой вину. Может быть, лучше вообще никак не реагировать на выходку сердитого автора? Ограничиться утверждением, что тот, кто прибегает к такого рода доказательствам, ставит себя вне науки? Но в этом случае могут сказать и обязательно скажут: раз человек молчит, значит ему нечего возразить.

После долгих колебаний я пришел к выводу: оставлять ложь неразоблаченной нельзя, это поощряет лжеца и дальше действовать таким же образом. Кроме того, следует учитывать, что выросло новое поколение ученых, которым мало известно о том, что происходило в нашей науке в 60-е и 70-е годы.

О некоторых вехах моей научной и не только научной биографии. 1957 г. В «Ученых записках Красноярского пединститута» (т. 9, вып. 1) была опубликована моя статья «К вопросу о первой форме классового общества». В ней впервые в нашей стране после расправы в 30-е годы с участниками дискуссии об «азиатском способе производства» на большом фактическом материале опровергался ставший к тому времени не просто общепризнанным, но само собой разумеющимся взгляд на общество Древнего Востока как на рабовладельческое. В статье доказывалось, что данное общество относилось к особой общественно-экономической формации, отличной от рабовладельческой и феодальной, не говоря уже о капиталистической. Это было первое открытое выступление против рас-

сма­три­вав­шей­ся в нашей нау­ке как абсо­лю­тная истина сталин­ской пяти­член­ной схе­мы раз­ви­тия че­ло­вечес­кого об­щес­тва, в ко­то­рой в ка­че­стве пер­вой клас­со­вой об­щес­вен­но-эко­но­ми­че­ской фор­ма­ции на­зы­ва­лась ра­бо­в­ла­дель­че­ская.

В том же го­ду в СССР по­я­вилась ста­тья Л. С. Ва­силь­ева, в ко­то­рой ста­вилась под сом­не­ние ха­рак­те­ри­сти­ка об­щес­тва эпо­хи За­пад­но­го Чжоу как ран­не­ра­бо­в­ла­дель­че­ско­го¹, а в ГДР — ра­бо­ты Э. Ш. Вель­скопф, ут­вер­ждав­шие, что древ­не­вос­точ­ные об­щес­тва от­но­си­лись к осо­бой фор­ма­ции, от­лич­ной от ра­бо­в­ла­дель­че­ской и фе­о­дал­ной². Ши­ро­кая дис­кус­сия об «ази­ат­ском спо­со­бе про­из­вод­ства» раз­вер­ну­лась лишь не­сколь­ко лет спу­стя, а имен­но с 1964 г. Она при­об­ре­ла бур­ный ха­рак­тер как у нас, так и за гра­ни­цей. Са­мое ак­тив­ное учас­тие при­ни­мал в ней и я, при­чем в ка­че­стве непримиримого про­тив­ни­ка ор­то­док­саль­ной точ­ки зре­ния³. Поч­ти все мои ста­тьи, по­свя­щен­ные этой теме, бы­ли пе­ре­ве­де­ны за ру­бе­жом (Фран­ция, США, Ве­ли­ко­бри­та­ния)⁴. И уже по­сле то­го как по ука­за­нию «вер­хов» по­ста­ра­лись снова зат­кнуть рты, я сре­ди немно­гих про­дол­жал от­ста­ивать и про­па­ган­ди­ро­вать свои взгля­ды⁵.

1959 г. В жур­на­ле «Во­про­сы фи­ло­со­фии» по­яв­ля­ется моя ста­тья «„Про­ис­хо­жде­ние се­мьи, част­ной соб­ствен­но­сти и го­су­дар­ства“ Ф. Эн­гель­са и со­вре­мен­ные дан­ные эт­но­гра­фии». В ней по­ка­за­но, что соз­дан­ная Л. Г. Мор­ганом и при­ня­тая Ф. Эн­гель­сом схе­ма раз­ви­тия се­мьи и бра­ка на­хо­дится в про­тив­о­ре­чии с дан­ными со­вре­мен­ной нау­ки, что та­ких форм се­мьи, как кров­но­род­ствен­ная и се­мья пу­на­луа, ни­ко­гда не су­ще­ство­ва­ло. По­яв­ле­ние этой ста­тьи в зна­чи­тель­ной сте­пени спо­соб­ство­ва­ло ос­во­бо­жде­нию со­вет­ской ис­то­ри­че­ской и эт­но­ло­гиче­ской наук от до­вле­вших над ни­ми догм. В свя­зи с этим мне, от­кро­вен­но го­во­ря, не­лов­ко за Н. М. Ги­рен­ко, ко­то­рый пи­шет в сво­ем от­кли­ке, что Се­ме­нову до сих пор ми­ла идея кров­но­род­ствен­ной се­мьи (с. 165).

1966 г. В № 4 жур­на­ла «На­ро­ды Азии и Аф­ри­ки» пу­бли­ку­ется моя ста­тья «Из ис­то­рии те­о­ре­ти­че­ской раз­ра­бот­ки В. И. Ле­ни­ным на­ци­о­наль­но­го во­про­са», в ко­то­рой да­на об­сто­ятель­ная кри­ти­ка ра­бо­ты И. В. Ста­ли­на «Марк­сизм и на­ци­о­наль­ный во­про­с». В ста­тье бы­ло по­ка­за­но, что эта ра­бо­та пред­став­ляет со­бой не те­о­ре­ти­че­ский труд, а одну из мно­гих вы­хо­див­ших в те го­ды по­пу­ляр­ных бро­шюр; в ней нет ни одной ори­ги­наль­ной мы­сли; в зна­ме­ни­том че­ты­рех­эле­мент­ном ста­лин­ском оп­ре­де­ле­нии на­ции три пер­вых при­зна­ка по­за­им­ство­ва­ны у К. Кау­тско­го, а чет­вер­тый — у Б. Бауэра; дан­ное оп­ре­де­ле­ние те­о­ре­ти­че­ски со­вер­шен­но не­со­сто­ятель­но; часть тек­ста в ра­бо­те Ста­ли­на — это пла­гиат из со­чи­не­ний К. Кау­тско­го и Б. Бауэра; ра­бо­та со­дер­жит массу гру­бей­ших неточ­но­стей и фак­ти­че­ских оши­бок.

Пу­бли­ка­ция моей ста­тьи име­ла свою пре­ды­сто­рию. Из пер­во­на­чаль­но­го на­зва­ния бы­ло ясно, что речь в ста­тье идет о ра­бо­те Ста­ли­на. В даль­ней­шем не­ко­то­рые фор­му­ли­ро­в­ки бы­ли смяг­че­ны, и ста­тья по­лу­чи­ла на­зва­ние «Из ис­то­рии те­о­ре­ти­че­ской раз­ра­бот­ки про­бле­мы на­ции в марк­сис­тской ли­те­ра­ту­ре (90-е го­ды XIX в.— 1917 г.)». В та­ком ви­де ста­тью на­бра­ли и роз­да­ли чле­нам ред­ко­лле­гии жур­на­ла. Я был при­гла­шен на за­се­да­ние ре­дак­ци­он­ной кол­ле­гии.

Вы­сту­пив­ший в прениях член ред­ко­лле­гии, за­мес­ти­тель за­ве­ду­ю­ще­го ме­жду­на­род­ным от­де­лом ЦК КПСС Р. А. Уль­я­нов­ский ре­зко выс­ка­зался про­тив пу­бли­ка­ции ста­тьи и пре­дуп­ре­дил: если она все же вы­й­дет, он со­вер­шен­но не уве­рен, что сле­ду­ю­щий но­мер жур­на­ла бу­дет об­суж­да­ться в том же со­ста­ве и при том же глав­ном ре­дак­то­ре. По­сле это­го Уль­я­нов­ский де­мон­стра­тив­но по­ки­нул за­се­да­ние.

По­дав­ля­ю­щее бо­ль­шин­ство при­сут­ство­вав­ших выс­ка­залось про­тив пу­бли­ка­ции ста­тьи. И глав­но­му ре­дак­то­ру И. С. Бра­гин­ско­му при­шлось при­мен­ить все свое ди­пло­ма­ти­че­ское ис­кус­ство, что­бы скло­нить чле­нов ред­ко­лле­гии к ре­ше­нию, со­глас­но ко­то­ро­му ста­тья при­ни­малась, но при ус­ло­вии ее ко­рен­ной пе­ре­ра­бот­ки. При этом И. С. Бра­гин­ский на­сто­ял на том, что­бы ему бы­ло пред­о­став­ле­но пра­во са­мо­му ре­шить, в до­ста­точ­ной ли сте­пени пе­ре­ра­бо­та­на ста­тья.

По­сле окон­ча­ния за­се­да­ния я впер­вые оста­лся на­еди­не с И. С. Бра­гин­ским. Как это ни печаль­но, ска­зал он, но наше выс­шее пар­тий­ное ру­ко­вод­ство взяло курс на

ползучую ресталинизацию. В этой обстановке долг каждого настоящего коммуниста состоит в том, чтобы помешать достижению этой цели. Единственная работа И. В. Сталина, которая до сих пор не подвергалась в нашей печати никакой критике,— это его «Марксизм и национальный вопрос». Существует реальная опасность, что ее снова попытаются объявить «величайшим вкладом», а И. В. Сталина возвести в ранг «выдающегося теоретика». Поэтому моя статья, по его словам, весьма необходима и он примет все меры к тому, чтобы она увидела свет, даже если ему придется поплатиться должностью. Так как он уже имеет достаточно большой опыт в протаскивании негодных высшему начальству работ, то сам возьмется за доработку статьи. В результате его усилий появился на свет новый, третий по счету, вариант моей статьи под новым, тоже третьим названием.

Спустя некоторое время я узнал, что руководством отдела науки ЦК КПСС был поставлен вопрос о необходимости включения в программы курсов по философии, научному коммунизму и истории партии в качестве обязательной работы И. В. Сталина «Марксизм и национальный вопрос». С большим трудом противникам этого предложения все же удалось провалить его. И важным их аргументом являлась ссылка на мою статью, в которой, как они указывали, работа Сталина была полностью развенчана.

В 1966—1967 гг. широкий размах приобрела дискуссия по основным вопросам теории нации. К сожалению, во многом она представляла собой переливание из пустого в порожнее. Все усилия ее участников сводились по существу к созданию тех или иных вариантов привычного определения нации. В 1967 г. мне снова пришлось выступить по этому вопросу. Я еще раз подчеркнул полную несостоятельность сталинского определения нации. «Нужна,— писал я,— не подправка и модернизация бытовавшего определения нации, а решительный отказ от всех подобного рода определений как схоластических»⁶.

В 1968 г. я начал работать в возглавляемом М. Я. Гефтером секторе методологии истории Института всеобщей истории АН СССР. О деятельности этого сектора и его печальной судьбе кое-что уже написано⁷. В 1970 г. один из подготовленных сектором сборников подвергся разгромной критике в партийной печати. О его авторах писали, что «фактически под видом научных поисков они проповедуют немарксистские взгляды, извращают исторические события и льют воду на мельницу буржуазных фальсификаторов истории коммунистической партии и Советского государства»⁸. Вскоре после этого сектор был разогнан, а набор очередного сборника, в который входила и моя статья, рассыпан. Мне пришлось расстаться с Институтом всеобщей истории.

Теперь я миную 14 лет и коснусь еще одного эпизода из моей на сей раз не научной биографии. Я бы сам никогда не стал говорить о нем. Но в газете «Известия» от 1 декабря 1993 г. был приведен рассказ одной выпускницы Московского физико-технического института, в настоящее время проживающей в США. Речь в нем шла о доценте кафедры философии МФТИ В. П. Лебедеве, который вел занятия в довольно рискованной манере. «И вот в 1984-м, оруэлловском году, нашего преподавателя Валерия Петровича Лебедева исключают из „рядов“ (тогда все преподаватели кафедры общественных наук обязаны были состоять в КПСС) и лишают любимой работы „за чтение и распространение книг антисоветской направленности“. Надо сказать, что формулировка несколько раз менялась, но отстранили от работы сразу. Как вы догадываетесь, на следующий день коллеги по кафедре перестали звонить и общаться, и только один человек не побоялся защитить коллегу на бюро Мытищинского горкома, это был завкафедрой Юрий Иванович Семенов, за что он и был тут же снят с должности».

Немного об истории советской этнографической науки в 60—70-е годы. Среди если не всех, то по крайней мере некоторых сотрудников Ленинградской части института этнографии я когда-то имел славу защитника старых догм. И такое было. Чтобы понять, в чем дело, вспомним обстановку, в которой развивалась этнографическая наука в 60—70-е годы.

Сейчас стало привычным утверждать, что вплоть до начала перестройки в

наших общественных науках безраздельно господствовала марксистская идеология и существовало насильственно навязываемое и поддерживаемое сверху единомыслие чуть ли не по всем вопросам. Это совсем не так, о чем наглядно свидетельствует пример этнографии.

Действительно, было время, когда в этой науке царило почти полное единомыслие. Оно утвердилось в результате идеологического погрома 30-х годов. Однако после 1956 г. боязнь мыслить иначе, чем велит начальство, начала постепенно проходить. Ставятся под сомнение те положения, которые ранее считались само собой разумеющимися. Одной из первых ласточек была уже упоминавшаяся моя статья в «Вопросах философии» (1959 г.). В последующем с требованием еще более радикального пересмотра взглядов на первобытность выступила группа ленинградских этнографов, среди которых в первую очередь следует назвать Н. А. Бутинова и В. Р. Кабо⁹. В Москве к ним примкнул В. М. Бахта¹⁰.

Они выступили с критикой почти всех положений, выдвинутых Л. Г. Морганом в «Древнем обществе», принятых Ф. Энгельсом и изложенных им в «Происхождении семьи, частной собственности и государства». В прошлом человечества, утверждали эти ученые, никогда не существовало ни промискуитета, ни группового брака. Брак всегда был индивидуальным, а семья, состоящая из мужа, жены и детей, представляла собой универсальную ячейку общества. Всегда состоявшая из семей община, а вовсе не род, являлась основой первобытного общества. «Община и семья, — писал Н. А. Бутинов, — это основные ячейки первобытно-общинного строя. Они универсальны — нет такого племени, даже самого отсталого, в котором не было бы общин и парных семей»¹¹. Род играл второстепенную роль. Его основной функцией являлось регулирование брачных отношений. Нет никаких оснований говорить о первичности материнского рода и вторичности отцовского. Материнский и отцовский род всегда существовали параллельно как равноправные варианты развития.

Утверждая все это, сторонники указанного направления ссылались на данные современной этнографической науки, имея в виду труды западных исследователей. При этом они особо подчеркивали, что речь идет об использовании фактов, а не о заимствовании концепций. «...Надо четко различать, — писал, например, Н. А. Бутинов, — то, что говорят факты устами зарубежных ученых, от того, что формулируют сами ученые»¹².

Побуждали к этому две причины. Одна из них — нежелание быть обвиненными в следовании буржуазной идеологии. Другая, на мой взгляд, не менее важная, — стремление выступить в роли первооткрывателей, создателей совершенно нового направления в этнографии.

Между тем, вопреки всем их утверждениям, в действительности имело место не использование фактов, добытых западной этнологией, а некритическое заимствование господствовавших в ней идей. Обращение наших «новаторов» к фактам сводилось к повторению того, что новые данные науки неопровержимо доказывают ошибочность почти всех положений Л. Г. Морганна. Какой-либо самостоятельный анализ этих фактов у них отсутствовал. Ими не было выдвинуто ни одной самостоятельной оригинальной идеи.

Сами наши «новаторы» не могли этого не чувствовать. Так, Н. А. Бутинов, отрекшаяся от Дж. Мердока, писал, что «по Мердоку, две основные социальные единицы — это семья и род. Семья для индивида — первая „линия защиты“, род — вторая. Что же касается общины, то Мердок не придает ей серьезного значения, называет ее „кланом“ (по существу тот же род) и считает ее результатом „компромисса“ между семьей и родом»¹³.

В действительности же Дж. Мердок называл кланом то самое образование, которое Н. А. Бутинов именовал родовой общиной, и совершенно четко отличал его от рода, который называл сибом. Раскрывая отношение между кланом (= родовой общиной) и сибом (= родом), Дж. Мердок специально подчеркивал, что главную, решающую роль играет первый, а не второй¹⁴. Он недвусмысленно заявлял, что «община и нуклеарная семья суть единственные социальные группы, которые

являются поистине универсальными»¹⁵. Можно спорить о том, прав Дж. Мердок или нет, но несомненно одно: в 1949 г. он говорил то, что в 60-е годы Н. А. Бутинов выдавал за собственное открытие.

Вообще в заимствовании тех или иных идей нет ничего плохого, при условии, конечно, что они не выдаются за оригинальные творения того, кто их принял. Другое условие — эти идеи не должны превращаться в догму. Увы, сторонники «нового» направления в этнографии нарушили не только первое, но и второе условие. И это не столько их вина, сколько беда. В течение многих десятилетий у нас отучали людей самостоятельно мыслить. От них требовали слепой веры. Тем самым их отучали от теоретического мышления, ибо последнее по самой своей природе может быть только самостоятельным.

Как только люди убедились в том, что навязываемое им в качестве абсолютной истины учение таковой не является, они начали искать иную, тоже абсолютную истину, в которую можно уверовать. И нашли ее в положениях западной этнологии. Отбросив одну догму, они заменили ее другой.

Когда то или иное положение выступает в качестве догмы, возможны лишь либо полный отказ от него, либо полное безоговорочное принятие. Третьего не дано. Невозможны ни допущение, что в старой концепции может быть какая-то истина, ни сомнение в каких-либо моментах новой. По представлению новообращенных, догмой является только то, от чего они отказались, а то, что они сейчас приняли, выступает не как догма, а как абсолютная истина. Потому всех, кто не разделяет полностью их новые взгляды, они рассматривают как отступников от истины, а тех, кто не желает считать старые представления абсолютно ложными, — как догматиков.

Как догму представители «нового» направления рассматривали лишь концепцию Л. Г. Моргана. От марксизма они не отказывались. Отрицание промискуитета, группового брака, первичности материнского рода, утверждали они, не находится в противоречии с марксизмом вообще и материалистическим пониманием истории в частности. И в этом отношении наши «новаторы» были совершенно правы.

На первых порах предпринимались попытки обвинить Н. А. Бутинова и его единомышленников в отступлении от марксизма, однако скоро они прекратились. Не последовало и никаких оргвыводов. За всеми сторонниками этого направления практически было признано право не только придерживаться собственных взглядов, но и излагать их в своих работах. С 60-х годов в советской этнографической науке началось фактическое утверждение плюрализма мнений.

Правда, если в области теории первобытности в Институте этнографии стали «расцветать все цветы», с полевыми исследованиями дело обстояло иначе. Полевые по-прежнему должны были писать в своих статьях, выражаясь словами замечательного поэта Н. Коржавина, «не то, что есть, а то, что надо».

В целом выступление Н. А. Бутинова и его сторонников давно назрело и способствовало развитию нашей науки, ибо старые догмы опостытели. К такому выводу я пришел не сегодня. Характеризуя положение дел в этнографической науке в 50-е — начале 60-х годов, я еще в 1968 г. писал: «Все положения Моргана, с которыми был согласен Энгельс, рассматривались как абсолютно истинные и не подлежащие обсуждению. В такой обстановке трудно было не только выступить с новыми теоретическими положениями, но и учесть прежние достижения научной мысли, если они предполагали отказ от тех или иных взглядов Моргана. Так, например, несмотря на то что положение Моргана о существовании в прошлом человечества кровнородственной семьи было убедительно опровергнуто Риверсом еще в 1907 г., вплоть до сравнительно недавнего времени оно излагалось в большинстве работ как абсолютно достоверное. Учение Моргана и сейчас является единственной целостной концепцией первобытности. А между тем оно, несомненно, устарело. Наукой накоплено огромное количество фактических данных, которые не только не укладываются в рамки концепции Моргана, но и находятся в противоречии с целым рядом его выводов. Таковы, например, факты

существования отцовского рода у народов, у которых частной собственности не существовало (австралийцы), и материнского рода у народов, стоявших на пороге классового общества или даже уже перешагнувших его (минангкабау, ашанти и др.). Все эти и им подобные противоречия невозможно устранить путем внесения поправок в учение Моргана. К настоящему времени настоятельной необходимостью стало создание новой целостной теории первобытности, которая бы согласовывалась со всем имеющимся фактическим материалом. В выступлении названных выше этнографов (Н. А. Бутинова и В. Р. Кабо.— Ю. С.) как раз и найдено такое выражение потребности в создании такой концепции»¹⁶.

Признавая законность и полезность выступления Н. А. Бутинова и В. Р. Кабо, я в то же время выступил с критикой их точки зрения, что и послужило для них основанием зачислить меня в ряды защитников старых догм. Не решусь утверждать, что я с самого начала своей научной деятельности был совершенно свободен от догматизма. Изживание иллюзий и слепой веры в те или иные положения шло постепенно. Но к началу 60-х годов этот процесс был в основном завершен.

Не только в Л. Г. Моргане, но и в К. Марксе и Ф. Энгельсе я начал видеть не носителей истины в последней инстанции, а ученых, которые были людьми своего времени. И концепция Л. Г. Моргана, и теоретические построения К. Маркса и Ф. Энгельса перестали быть для меня догмой, в которую можно только верить. А раз так, то они не вызвали у меня неприязненного отношения. Неприязнь возникла к тем людям, которые заставляли относиться к ним как к абсолютной истине. Поэтому ничто меня не побуждало отбросить полностью, без всяких рассуждений, концепцию Л. Г. Моргана, включая его представления об эволюции семейно-брачных отношений.

Я исходил из того, что развитие науки носит кумулятивный характер. Поэтому мне трудно было поверить, что направление в науке, представленное именами И. Бахофена, Дж. Мак-Леннана, Л. Г. Моргана, Л. Файсона,— совершенно бесплодно и не несет в себе крупиц абсолютной истины. Ведь было же время в истории этнологической науки, когда это направление почти безраздельно господствовало. Правда, длилось оно не долго. С середины 90-х годов XIX в. начался крутой поворот в сторону антиэволюционизма.

В значительной степени это было связано с тем, что появились факты, не укладывавшиеся в концепцию Л. Г. Моргана. Данное обстоятельство породило у значительной части этнологов недоверие не только к его учению, но и вообще к любым теоретическим построениям. Последние стали расцениваться как оторванные от жизни чисто умозрительные спекуляции. В итоге в этнографии стал господствовать эмпирический подход. Он исключал возможность реконструкции исчезнувших социальных форм. Кругозор исследователя ограничивался лишь тем, что можно было наблюдать воочию. Эмпиризм исключал признание социальной эволюции, ибо последняя не является эмпирически фиксируемым фактом. Эмпирический подход с неизбежностью вел к антиэволюционизму.

Кроме отмеченных выше существовала еще одна причина, причем, возможно, не менее важная. Это идеологическое давление. Известный американский этнолог Л. Уайт писал по этому поводу: «Использование эволюционной теории вообще и теории Моргана в частности К. Марксом и радикальным социалистическим рабочим движением вызвало сильную оппозицию со стороны капиталистической системы. Вследствие этого антиэволюционизм стал символом веры определенных слоев общества... Он стал философией оправдания церкви, частной собственности, семьи и капиталистического государства подобно тому, как „социальный дарвинизм“ стал философским оправданием безжалостной эксплуатации в промышленности»¹⁷.

Все это, конечно, мне было известно и побуждало относиться ко всем зарубежным этнологическим концепциям конца XIX и XX в. не менее критически, чем к теориям И. Бахофена, Дж. Мак-Леннана и Л. Г. Моргана. Ясно было, что верить на слово нельзя никому. Следует все заново проверять.

То, что в прошлом человечества не существовало ни кровнородственной

семьи, ни семьи пуналуа, являлось бесспорным. Но имелись ли столь же убедительные доказательства того, что в прошлом всегда существовали индивидуальный брак и основанная на нем семья? Таких доказательств не было. Во всяком случае, несомненным является то, что у ряда народов семьи вообще не существовало. Некоторые ее функции исполняла качественно отличная от нее социальная ячейка, которую я выделил и назвал родьей. У еще большего числа народов родья существовала наряду с семьей и соперничала с ней.

Имеется огромное число фактов, которые могут быть истолкованы только как пережитки существовавшего раньше промискуитета. И никакого другого объяснения противники этой концепции предложить не могли. Они их просто игнорировали. Что же касается группового брака, то, как мне удалось установить, он существовал у большого числа народов наряду с индивидуальным браком и регулировал половые отношения, а тем самым и индивидуальный брак. Различные формы группового брака давно уже были описаны этнологами под названиями обязательного (предписанного) билатерального кросс-кузенного брака, обязательного матрилиateralного кросс-кузенного брака и т. п., хотя сами исследователи при этом не осознавали, что имеют дело с групповым браком.

Вопрос, таким образом, состоит не в том, существовал или не существовал групповой брак, а в том, было ли такое время, когда он являлся единственной формой брака. Особенности самых архаичных систем родства свидетельствуют о том, что групповой брак предшествовал индивидуальному.

Никто из наших этнографов, ставших на иные позиции, даже не пытался опровергнуть аргументы в пользу существования промискуитета и группового брака. Все они делали вид, что таких доводов нет.

Бесспорен тот факт, что с определенного времени и вплоть до перехода к классовому обществу (а отчасти и после этого) наблюдаются два варианта развития. Один характеризуется наличием материнского рода, другой — отцовского. Но никем не доказано, что так обстояло дело изначально. Никто не станет возражать, что у многих австралийских племен существовал отцовский род. Столь же несомненно, что почти у всех них наряду с отцовским бытовал и материнский род. Такой признанный авторитет западной этнологии, как Дж. Мердок, считал наличие у того или иного народа двойной филиации свидетельством идущего у него процесса перехода от материнского рода к отцовскому¹⁸. Этнографам известны многочисленные случаи смены материнской филиации отцовской, но ни одного, говорящего о переходе от отцовского рода к материнскому.

Число такого рода фактов огромно, и все они полностью игнорируются нашими сторонниками полной эквивалентности материнско-родовой и отцовско-родовой организаций, в том числе и Н. М. Гиренко в «Социологии племени». Правда, в 70-х годах в ходе дискуссии в связи с моей статьей «Проблема перехода от материнского рода к отцовскому» были предприняты попытки опровергнуть положение о первичности материнского рода и отстоять иную точку зрения, но они, на мой взгляд, окончились безрезультатно.

Как следует из сказанного выше, защищать положения о развитии социального регулирования отношений полов от промискуитета через групповой брак к индивидуальному, о первичности материнского рода и совпадении его на раннем этапе с общиной меня заставила приверженность не к догмам, а к фактам. Мои же оппоненты исходили не из фактов, а из слепой веры в безусловную истинность положений, господствовавших в западной этнологии.

Ирония судьбы состоит в том, что, когда они начали громить Л. Г. Моргана, на Западе стал расти интерес ко взглядам этого выдающегося ученого. Одно за другим выходили новые издания его основного труда. Набирал силу и завоевывал все новых и новых сторонников неозоволюционизм. Возникло разочарование в чисто эмпирическом подходе, пробудилась тяга к теории. Именно в этом разгадка увлечения трудами К. Леви-Строса, которые в целом не представляют сколько-нибудь существенного вклада в науку. Этнографов, которым надоел узкий эмпиризм, привлекало понятие структуры. Если коротко, то К. Леви-Строс

пришел к мысли, что за чувственно-зримыми явлениями скрывается сущность, которую можно зреть лишь умом, что в выявлении этой сущности и заключена задача науки. Кстати говоря, эта истина излагалась в любом учебнике марксистской философии. Однако не только для западных этнологов, но и для многих наших это было открытием.

Чем дальше, тем больше. Возродилась, казалось бы, навсегда похороненная, идея первичности материнского рода. Начались определенные сдвиги и в подходе к проблеме происхождения брака и семьи. Если раньше безоговорочно утверждалось, что брак и семья унаследованы человеком от его животных предков, то теперь отношения между полами у наиболее близких к людям человекообразных обезьян стали характеризоваться как промискуитетные. Был поставлен под сомнение тезис о нуклеарной семье как универсальной социальной ячейке.

Тем не менее наши «новаторы», совершенно не замечая происходивших изменений, продолжали следовать прописям, утвердившимся в западной науке в конце XIX в. Основание простое — они там общепризнаны. Но признание большинством еще не доказательство истинности.

Догматизм, эмпиризм и проистекающее из них неумение теоретически мыслить вели «новаторов» к искажению действительности при всякой попытке создать целостную картину какого-либо общества. Особенно наглядно это можно видеть на примере монографии Н. А. Бутинова «Папуасы Новой Гвинеи (хозяйство, общественный строй)» (М., 1968), которой была посвящена моя рецензия¹⁹.

С этой работой я познакомился еще до публикации. Мне прислали на отзыв рукопись. В своем отзыве я, в частности, указал, что в труде имеется вопиющее противоречие между выводами автора и приводимыми им же фактами. Сказанное я подтвердил несколькими примерами. Н. А. Бутинов учел мое замечание, но весьма своеобразно. Он изъясил названные мною факты, а выводы сохранил. Но таким образом не были устранены ни внутренние противоречия работы, ни разрыв между нарисованной в ней картиной общества папуасов и реальностью.

В. М. Бахта дал положительный отзыв на книгу Н. А. Бутинова. В своей рецензии он вступил в полемику со мной. Кратко охарактеризовав концепцию Н. А. Бутинова, суть которой состояла в том, что папуасское общество является первобытно-общинным эпохи расцвета, В. М. Бахта далее следующим образом изложил мои, как он уверял, аргументы против основного тезиса рецензируемой работы: «В соответствии с защищаемой последней (т. е. мною.— Ю. С.) уже несколько лет концепцией социогенеза, для доклассового общества в эпоху его расцвета были характерны: материнский, а не отцовский, как у папуасов, род и дислокальный, групповой, а не парный, как у папуасов, брак. Отсутствие у папуасов этих черт рассматривается Ю. И. Семеновым как свидетельство того, что общество папуасов Новой Гвинеи относится к эпохе разложения общинно-родовых отношений и перехода к отношениям классовым. Кстати, руководствуясь этими же соображениями (отсутствие материнского по форме рода прежде всего), он рассматривает даже доземледельческие общества охотников и собирателей (аборигенов Австралии, бушменов и других) как переходные от доклассовых форм социальности к классовым. Это хороший пример того, как приверженность к теоретической умозрительной концепции ведет к отрицанию фактов, в данном случае отрицанию наличия у многих современных народов первобытнообщинного строя. Так, Ю. И. Семенов искренне убежден, что у папуасов должны быть и моногамная семья, и имущественно-социальное расслоение, и частная собственность на землю и домашних животных. Исходя из этой основной теоретической установки строит Ю. И. Семенов свою критику взглядов Н. А. Бутинова»²⁰.

Увы, что ни слово, то неправда. Ни в рецензии на книгу Н. А. Бутинова, ни в какой-либо вышедшей к тому времени моей работе я никогда не утверждал, что австралийцы и бушмены находятся на стадии перехода к классовому обществу. Я никогда не писал, что у папуасов существовали моногамная семья и частная собственность на землю и свиней, и никогда не рассматривал не только парный брак, но и отцовский род как признак вступления в эпоху перехода от

первобытного общества к классовому. В своих работах я специально подчеркивал, что дислокальный групповой брак был присущ не всему первобытному обществу, а лишь самой начальной поре его развития. Все же последующее его развитие характеризовалось наличием парного брака. Рассматривая материнский род как исторически первоначальный, я всегда допускал возможность его смены отцовским задолго до начала эпохи превращения первобытного общества в классовое²¹.

Однако самое главное заключается в том, что в моей рецензии вообще не было ничего похожего на ту систему аргументации, которую приписал мне В. М. Бахта. Картину папуасского общества, нарисованную в книге Н. А. Бутинова, я сопоставлял не с собственными взглядами, а исключительно с фактами, содержащимися в работах этнографов, которые проводили полевые исследования на Новой Гвинее. В рецензии, например, указывалось, что у тех племен, которые, по утверждению Н. А. Бутинова, находились на стадии расцвета первобытно-общинного строя (энга, кьяка, куман или чимбу, джате, форе, капауку, хаген и др.), полевые исследователи отмечают наличие немалого (по новогвинейским масштабам) имущественного и социального неравенства, причем возникшего в доконтактную эпоху. Наиболее наглядно оно проявлялось в существовании «бигменов» (больших людей), которые были обязаны своим положением прежде всего богатству, заключавшемуся в свиньях, больших огородах, особого рода ценностях. Этим «большим людям» противостояли «рвань-люди» (*rubbish-men*), которые вообще могли не иметь свиней и других ценностей. При этом нередко первые эксплуатировали вторых.

Все полевые исследователи говорили об огромном значении в жизни папуасов престижного обмена. В работе Н. А. Бутинова о нем не было сказано ни слова. Автор обошел и такие имевшие место в жизни папуасов явления, как воровство, нарушение границ земельных участков, преднамеренные и непреднамеренные убийства, связанные с ними частые стычки и столкновения, существование специальных механизмов улаживания конфликтов, появление разнообразных способов возмещения ущерба пострадавшей стороне, в частности *вергельда* — «цены крови», постоянные войны между общинами, сопровождавшиеся насилиями и грабежами и т. д.

Чтобы отстоять правоту Н. А. Бутинова, В. М. Бахте следовало бы пойти по одному из двух возможных путей: либо попытаться доказать, что все мои библиографические ссылки лишены основания, что в действительности в указанных книгах и статьях ничего не говорится ни об имущественной и социальной дифференциации, ни об эксплуатации и т. п., либо опровергнуть свидетельства полевых исследователей. Между тем все ссылки верны, а показания очевидцев слишком единодушны. В результате В. М. Бахте не оставалось ничего иного, как заняться демагогией.

Н. А. Бутинов и его единомышленники не смогли опровергнуть мои критические замечания. Чтобы сохранить лицо, они стали изображать из себя новаторов, которым догматики и доктринеры не прощают совершенного ими прорыва в науке. Так что Н. М. Гиренко не первый, кто применил этот прием.

Был ли я вне критики? На мою первую книгу «Возникновение человеческого общества» (Красноярск, 1962) последовало несколько рецензий, в том числе одна, резко критическая, в журнале «Вопросы философии» (1964, № 8). Затем появилась заметка «Еще раз о книге Ю. И. Семенова», в которой меня обвиняли главным образом в том, что я игнорировал положение Ф. Энгельса о решающей роли отношений по детопроизводству на ранних стадиях первобытности²². В этом авторы были совершенно правы. Я и тогда считал данный тезис ошибочным, хотя и не мог об этом прямо сказать.

Могут спросить: «В „Вопросах философии“ Ю. И. Семенова действительно критиковали, а как обстояло дело с „Советской этнографией“?» В № 5 за 1970 г. вышла моя статья «Проблема перехода от материнского рода к отцовскому (опыт теоретического анализа)». В следующем году, в № 4, появилась статья М. А. Членова, в которой подвергалась критическому разбору моя концепция. После появления

моей статьи «Проблема исторического соотношения материнской и отцовской филиаций у аборигенов Австралии» (№ 6) в критику включился А. М. Хазанов (1973, № 1). Моя статья «О материнском роде и оседлости в позднем палеолите» вызвала новую волну критики. Со статьями выступил сначала М. В. Крюков (1974, № 3), а вслед за ним снова М. А. Членов и А. М. Хазанов (№ 6).

В 1976 г. в журнале была опубликована моя статья «О специфике производственных (социально-экономических) отношений первобытного общества» (№ 4). Она подверглась критическому разбору в статьях Д. В. Гурьева (1977, № 1), И. И. Козодоева и Н. А. Бутинова (обе в № 3).

Если М. А. Членов, А. М. Хазанов, М. В. Крюков, И. И. Козодоев, Н. А. Бутинов вели чисто научную полемику, то Д. В. Гурьев прямо обвинял меня в том, что я отошел от основных положений марксистско-ленинского учения об общественном производстве, базисе и надстройке и тем самым сделал уступки буржуазным ученым в этом важнейшем теоретическом вопросе, что я вообще по целому ряду вопросов примкнул к мнению буржуазных ученых, что я протаскиваю идею совпадения интересов капиталистов и рабочих, отрицаю классовый характер права и политики и т. д.²³

Вообще в 70-е годы, пожалуй, не было автора, который подвергался бы большей критике на страницах «Советской этнографии», чем я. И в течение всего этого времени главным редактором журнала была Ю. П. Аверкиева.

Допустим, что некоторые или даже все мои статьи, опубликованные в те годы в журнале, не подверглись бы критическому разбору. Какие же выводы отсюда бы следовали? В № 6 «Советской этнографии» за 1974 г. была опубликована в порядке обсуждения статья Н. М. Гиренко «Системы терминов родства и системы социальных категорий». Никаких откликов на нее не последовало. Я не решился бы на этом основании утверждать, что усилиями Ю. П. Аверкиевой Н. М. Гиренко оказался вне критики.

Несколько слов о загранице. Характеризуя меня как «блюстителя теоретических нравов в изучении первобытности», Н. М. Гиренко добавляет: «Для Запада он был интересен как наиболее типичный представитель экзотической советской мысли, попытками изложить идеи конца XIX в. в более современной лексике и подкрепить их фрагментами этнографических наблюдений более позднего времени». Что же, на невнимание Запада к моим работам я пожаловаться не могу. Не знаю, переводились ли труды Н. А. Бутинова, В. Р. Кабо, В. М. Бахты, Н. М. Гиренко за рубежом, но мои неоднократно, в том числе все книги, за исключением недавно вышедшей «Экономической этнологии». И издавались они, между прочим, не только в ГДР, Румынии, Венгрии, Чехословакии, Вьетнаме, Китае, но и в США, Канаде, Великобритании, Франции, ФРГ, Японии²⁴.

В опубликованной в 1988 г. книге известного философа и этнолога Э. Геллнера «Государство и общество в советской мысли» из восьми глав две посвящены моим работам, одна — моей концепции социогенеза, другая — моей философии истории. «Семенов,—пишет Э. Геллнер,—один из наиболее эрудированных историков этнологических и социальных идей, обладающий совершенным и точным знанием западной мысли и замечательной способностью беспристрастного и сжатого ее изложения... Но он много больше, чем историк идей. Он творческий, искусный и оригинальный теоретик, чья приверженность к марксизму позволяет ему как постигать проблемы, относящиеся к существующим теоретическим структурам, так и предлагать интересные решения их»²⁵.

Попытка «идеологической выволочки»? Но с чьей стороны? Н. М. Гиренко обвиняет меня в том, что я устроил ему «идеологическую выволочку». Полагаю, что он имеет самое отдаленное представление о том, что такое идеологическая проработка, которой в свое время подвергались те или иные авторы. Образцом может служить указанная выше статья Д. В. Гурьева. Суть проработки в утверждении, что автор отходит от марксизма-ленинизма или даже рвет с ним, сползает (а то и прямо переходит) на позиции буржуазной идеологии.

Я и в прошлом в своих самых критических статьях не прибегал к такого рода

приемам. А что касается нынешнего времени, то сейчас даже Д. В. Гурьев не стал бы никого обвинять в отступлении от марксизма. Теперь в этом нет никакой крамолы. Даже наоборот, антимарксизм помогает делать карьеру.

Так в чем же конкретно усмотрел Н. М. Гиренко «идеологическую выволочку»? «Естественно, — пишет он, — противоречия (взглядов Н. М. Гиренко. — Ю. С.) с „классической“ советской концепцией обнаружилось уже во введении. По мнению рецензента, термин „социология“ неприменим к догосударственным образованиям» (с. 162). Допустим, рецензентом действительно было бы заявлено, что термин «социология» не применим к доклассовому обществу. Какое это имеет отношение к «идеологической выволочке»? Но на самом деле в рецензии сказано несколько иное. «Термин „социология“, — писал я, — редко применяется по отношению к доклассовому обществу. Здесь в ходу другие: этнография, этнология, культурная и социальная антропология» (с. 139; здесь и ниже ссылки на рецензию даются в тексте). Не согласен с этим утверждением — опровергни его. Назови, скажем, 5—10 работ, в которых используется термин «социология» в применении к первобытности. Но Н. М. Гиренко так не поступает, ибо это невозможно.

Вместо этого далее следует нечто совершенно несуразное. Он утверждает, что в своих рассуждениях я исхожу из основных положений работы И. В. Сталина «Марксизм и национальный вопрос» (с. 162—163). На мой взгляд, это очень похоже на попытку учинить мне «идеологическую выволочку», но только с обратным по отношению к нашему прошлому знаком. Автор сокрушается по поводу того, что в период господства марксистско-ленинской идеологии социологии фактически не было. И наконец, он заявляет, что если исходить из марксизма-ленинизма, то в таком случае нельзя писать и об экономике первобытности (с. 163).

Между тем хорошо известно, что главным в материалистическом понимании истории является тезис о примате экономики. С такой точки зрения исследовать экономику первобытности не только можно, но и должно. А самое смешное, когда автор с торжеством сообщает мне, что о первобытной экономике все же «пишут — целое научное направление возникло» (с. 163). Верно, пишут. Я первый ознакомил советских этнографов с этой новой научной дисциплиной и сам написал около десятка работ о первобытной экономике. В прошлом году, например, вышло в свет мое большое (40 п. л.) исследование «Экономическая этнология. Первобытное и раннее предклассовое общество» (ч. 1—3. М., 1993).

В рецензии я критикую Н. М. Гиренко за то, что социологию он понимает слишком узко, как науку, исследующую только одну из сфер общественной жизни — «социальную сферу», отличную от сферы экономики и сферы мировоззрения. «Нельзя не заметить, — говорится в рецензии, — что такое понимание социологии несколько расходится с общепринятым. Социология (буквально: наука об обществе), идет ли речь об общей теории или исследованиях, базирующихся на эмпирическом материале, все же всегда претендовала на познание всего общества. Если обратиться к одной лишь „эмпирической“ социологии, то в ее составе существуют такие отрасли, как социология экономической жизни, социология религии и т. п.» (далее следует ссылка на обзорную работу американских социологов, с. 139). Как же реагирует на это автор?

«Ю. И. Семенов, — пишет он, — прав, что социология практически затрагивает (может затрагивать) все сферы общественной жизни (например, социология экономической жизни или религии)...» (с. 163). Казалось бы, все ясно. Но нет, далее начинается нечто странное. «Рецензент ссылается на некоторое „общепринятое“ понятие социологии, возводя его к „обществоведению“, науке об обществе вообще. Было бы неплохо узнать, где это „общепринятое“ понятие сформулировано, в какой социологической школе, помимо классиков марксизма, считавших, что О. Конт ограбил и извратил своего учителя Сен-Симона» (с. 163). Комментарии тут совершенно излишни.

Мания величия? Может быть. Но у кого? В конце концов Н. М. Гиренко не мог не осознать всей абсурдности обвинения рецензента в попытке учинить ему «идеологическую выволочку». Поэтому он сворачивает на другой путь.

Как утверждает обиженный автор, Ю. И. Семенов, будучи избавленным от всякой критики, возомнил себя обладателем истины в последней инстанции (с. 164). Именно с этой позиции он и подошел к работе Н. М. Гиренко; все содержащиеся в ней положения он сверял со своими собственными построениями и, если первые расходились с последними, объявлял их ошибочными.

В данном случае Н. М. Гиренко приписал мне тот метод опровержения чужих и обоснования собственных положений, которым сам постоянно пользовался в своей книге. Кстати, об этом было сказано в рецензии (с. 144). Во всем блеске этот метод проявился и в рассматриваемом отклике.

Н. М. Гиренко категорически отвергает «дуальную» версию происхождения экзогамии как абсолютно бездоказательную (с. 164). Что ему до того, что доказательств в пользу этой «версии» приводил не только Ю. И. Семенов, но и Л. Файсон, А. Хауитт, Э. Тайлор, В. Риверс, С. П. Толстов, А. М. Золотарев и многие другие исследователи. О каких еще там аргументах может идти речь, когда вся «безосновательность» этой концепции давно уже была показана в одной из работ Н. М. Гиренко (с. 164), который, как всем должно быть известно, никогда не ошибается. И если Ю. И. Семенов еще до сих пор не отказался от своей точки зрения, то лишь потому, что он с этой работой Н. М. Гиренко «к сожалению, опять-таки не знаком» (с. 164).

«Впрочем, — пишет Н. М. Гиренко, — для Ю. И. Семенова не существует разницы между матрилateralным социальным организмом родства и матрилинейным, между патрилateralным и патрилинейным...» (с. 164). А почему? Опять-таки потому, что не читал капитальных трудов Н. М. Гиренко, в которых введено фундаментальное понятие «социальный организм родства». Ю. И. Семенов совершенно не учитывает содержащиеся в них «продуктивные разработки» (с. 164). В результате он безнадежно отстал от уровня современной науки. «Подтверждением тому являются и повторенные в сердитой критике школьные рассуждения Ю. И. Семенова о видах родовых структур (с. 144—145), где он не различает отцовский род от отцовско-правового, двойную филиацию от двойной-односторонней. О соотношении латеральных и линейных форм рода, о череспоколенной односторонней или билатеральной филиации речи, конечно, и быть не может» (с. 164).

Боюсь, что отстал от уровня современной науки не только один я. Это относится к подавляющему большинству, если не ко всем вообще этнографам. Во всяком случае, я никогда не встречал термина «социальный организм родства» и ему подобных в чьих-либо трудах, за исключением работ Н. М. Гиренко. Этот и другие придуманные Н. М. Гиренко термины являются чистой воды пустышками, лишенными объективного содержания. И прежде чем подниматься в заоблачные высоты абстракции, Н. М. Гиренко следовало бы усвоить некоторые, выражаясь его языком, «школьные азы». В своей рецензии я уже обращал внимание на то, что он не имеет четкого представления ни о том, что такое род, ни о том, чем отцовский род отличается от материнского (с. 144—145).

Возвращаясь к исходному пункту, должен сказать, что я никогда не упрекал ни одного своего коллегу в отставании от уровня развития науки только на основании того, что он не читал моих работ и не пользуется введенными мною терминами. И, конечно, я никогда не объявлял ошибочными те или иные положения только потому, что они не совпадают с моими собственными. Это относится и к моей рецензии на книгу Н. М. Гиренко. Выдвинутые им положения я сверял прежде всего с другими его же положениями, а также с фактами. И очень часто оказывалось, что Н. М. Гиренко в одном месте своей работы говорит одно, а в другом — прямо противоположное, что в одни и те же термины он в разных местах работы вкладывал совершенно различный смысл, что многие его положения лишены всякого фактического основания, что между выдвинутыми им тезисами и приводимыми им фактами нет никакой связи, и т. п. Вот за это и только за это я критиковал Н. М. Гиренко. И все его попытки доказать иное лишены основания.

Что пишет Н. М. Гиренко и что есть на самом деле? Как утверждает Гиренко.

все мои «построения выдержаны в традиционном эволюционистском духе». «Потому рецензента крайне возмутило отсутствие периодизации общественной эволюции в категориях „эпоха праобщества (и соответственно праобщины)“, „эпоха развития человека и общества“, „фаза раннего первобытного общества“, „фаза позднего первобытного общества“, „эпоха предклассового общества“» (с. 162).

Можно было бы указать автору: если вы как в книге, так и в отклике без конца говорите о развитии («традиционный эволюционистский дух»?!), то резонно было бы ожидать создания какой-нибудь схемы этого развития. Но в рецензии даже такого упрека нет. Ведь разговор о схемах эволюции начал сам Н. М. Гиренко. «К сожалению, однако, — пишет он в книге, — вопрос об эволюции форм общественного устройства в рамках первичной формации, т. е. до возникновения классов и государства, остается открытым, как остается открытым и вопрос об эволюции форм родовой организации в рамках первичной формации. Вероятно, эти вещи взаимосвязаны, но факт остается фактом — в целом эволюция доклассовой стадии предстает примерно в таком же виде, как ее видели Л. Г. Морган и Э. Тэйлор» (с. 73—74. Здесь и далее ссылки на книгу Н. М. Гиренко даются в тексте).

На это я заметил, что он совершенно не прав, и назвал три схемы эволюции доклассового общества, созданные во второй половине XX в.: схему Э. Сервиса, схему М. Фрида и, наконец, ту, которую, несколько исказив, привел Н. М. Гиренко. Я сторонник последней, но ни в малейшей степени не пытался ни осудить его за то, что он не пользуется этой схемой, ни тем более навязать ее. «Можно, — писал я, — соглашаться с названными выше схемами эволюции доклассового общества, можно не соглашаться с ними, но делать вид, что они вообще не существуют, нельзя» (с. 143).

Н. М. Гиренко возмущается тем, что я критикую его за отождествление понятий «родоплеменной строй» и «первобытнообщинный строй». Возражая мне, он пишет о том, что так делает не он один. Действительно, когда-то это было даже общепризнанно. Но верным данное отождествление от этого не стало. Мною приведены факты, требующие отказа от такого подхода. Опровергни их или же признай, что я прав. Н. М. Гиренко уходит в сторону.

«Суровый гнев, — пишет он, — вызвала и такая категория, использовавшаяся в работе, как „коллектив“» (с. 163). Должен признать, что я не вижу ничего плохого в употреблении термина «коллектив» и сам постоянно его использую. Я просто указываю на крайнюю неясность того смысла, который Н. М. Гиренко в него вкладывает. Оппонент упрекает меня в том, что рассматривая одно из определений коллектива, данных в книге, я сокращаю его до формулировки «любой коллектив состоит из коллективов». Однако тут же добавляет: главное, что вызвало неудовольствие Ю. И. Семенова — «это то, что упомянуты органы власти и управления». Выходит, что я все-таки не сократил его определения. И это так. Я вначале полностью привожу данное Н. М. Гиренко определение, а затем рассматриваю его составляющие (с. 141—142).

При этом мною было сказано, что наличие органов власти и управления не может считаться необходимым признаком коллектива. Первобытные общины, несомненно, были коллективами, но на ранних ступенях развития в них отсутствовали органы власти и управления. Это знает любой исследователь первобытного общества.

По словам Н. М. Гиренко, в рецензии указывается, что в его книге нет проблемы экзогамии. Я утверждаю несколько иное, а именно: автор не ставит перед собой проблемы возникновения экзогамного запрета; для него не существует проблемы происхождения экзогамии, ибо, по его мнению, экзогамия существовала всегда (с. 144). Н. М. Гиренко и с этим не согласен. Ну что может быть проще: для опровержения моих слов приведи цитату из книги или сошлись на то место в ней, где речь идет о возникновении экзогамного запрета. Н. М. Гиренко этого не делает. И понятно почему — в его книге о возникновении экзогамного запрета нет ни слова.

Абсолютно ничего не сказано об этом и в отклике, где Н. М. Гиренко пытается

создать впечатление, что у него все же есть концепция возникновения экзогамии, которая, кстати, здесь определяется несколько иначе, чем в книге. — как «запрет на брак с определенной группой в пределах родственников и свойственников» (с. 164). Определение более чем путаное, хотя, в отличие от книги, в нем признается, что экзогамии нет без запрета. Но, повторяю, и в отклике, и в книге о возникновении экзогамного запрета не говорится ничего. И одновременно с этим повторяется, что экзогамия «присутствует во всех культурах» (с. 164). Выходит, что она существует и в нашем обществе, и в западноевропейском. Это, безусловно, «открытие».

И наконец, Н. М. Гиренко жалуется, что рецензент приписывает ему взгляды, которых он никогда не придерживался и в книге не излагает. «Все „критические“ моменты, — пишет он, — перечислить и разобрать невозможно. Смешно же перечислять, что не считает Н. М. Гиренко трехродовой союз несомненно существующим, не выводит семью из биологической фазы, приводит аргументацию в пользу параллелизма материнско- и отцовско-правовых систем и т. д.» (с. 164).

Опять приходится цитировать: «Но, с нашей точки зрения, основным аргументом против отсутствия у *Номо sapiens* в социуме любого стадийного уровня такой социальной группы (семьи. — Ю. С.) является то, что в рамках животного мира мы эту ячейку постоянно имеем, хотя и в различной степени ее стабильности. Человеческое общество как явление более высокой стадии эволюции не могло отбросить этот достаточно фундаментальный институт, характерный для многих видов досоциальной стадии развития биологической природы» (с. 143). По-моему, яснее сказать трудно. И отказ Н. М. Гиренко от этой точки зрения свидетельствует о том, что какую-то пользу ему моя рецензия принесла. Правда, он никак не отреагировал на мой пример с наями XVIII — начала XIX в., у которых семья полностью отсутствовала. Но не все сразу. Точно так же, как с семьей, обстоит дело и с трехродовым союзом.

Что касается взгляда на материнско-родовую и отцовско-родовую организации как совершенно равноправные, параллельно существующие варианты развития, то я упрекаю его не в том, что он вообще не приводит аргументы, а в том, что «обосновывает он эту точку зрения не ссылками на факты, а общими соображениями» (с. 145).

Упрекаю я его и в непоследовательности. Ведь одновременно он же связывает появление материнско-родовой организации с «переходом к циклическому интенсивному хозяйству», которое появилось лишь «на достаточно позднем этапе социально-экономического развития» (с. 210). Выходит, что материнско-родовая организация представляет собой явление более позднее, чем отцовско-родовая. Казалось, можно было ответить на этот упрек в отклике, но автор молчит. Не отвечает он и на мое замечание, что материнский род существовал у аборигенов Австралии, хозяйство которых явно не было «циклически интенсивным».

Никак не реагирует Н. М. Гиренко и на другие серьезные замечания, которые сделаны в рецензии. Он делает вид, что их нет. Не буду перечислять все, а укажу лишь на одно. Книга Н. М. Гиренко, судя по названию, посвящена племени. И самое странное, что автор так и не определился по вопросу о том, существовало ли племя на всех ступенях развития доклассового общества или же возникло на самой поздней из них. Он одновременно дает и тот, и другой ответ, на что было указано в рецензии (с. 139—140). Публикация отклика давала прекрасную возможность ответить на этот вопрос, но Н. М. Гиренко этого не сделал.

В книге он склоняется скорее к первому ответу. Это видно из отклика. «... Когда Ю. И. Семенов поучает, — пишет Н. М. Гиренко, — что де племени не могло быть в некую первобытную эпоху, хорошо было бы определить, какого племени, в каком определении и с какими основными общественными институтами, с какими формами коллективов» (с. 163). И здесь явная передержка. Я никого не поучаю. Просто пишу о том, что «немалое число этнографов категорически утверждает, что в исследованных ими доклассовых обществах вообще не существовало ничего похожего на племя. Точка зрения, согласно которой именно община, а не какое-либо иное социальное образование являлось, по крайней мере

на ранних ступенях развития первобытного общества, отдельным конкретным обществом, единицей исторической эволюции, имеет достаточно широкое распространение» (с. 140). Так обстоит дело или не так? Бесспорно, так. В частности, я указываю, что полевые исследователи писали об отсутствии племени у многих папуасов Новой Гвинеи.

В связи с этим нельзя не отметить, что на Западе вышло немало книг, специально посвященных проблеме племени. Назову хотя бы тематический сборник «Очерки по проблеме племени»²⁶ и книгу М. Фрида «Понятие племени»²⁷. Но Н. М. Гиренко их вообще не упоминает и, возможно, даже не знает об их существовании.

Несомненно, в первобытную эпоху имелись и иные, чем племя, социальные образования, прежде всего общины. «Поэтому, — писал я, — автору следовало бы, во-первых, показать, в чем заключается специфика племени как особой формы объединения людей в эпоху первобытности, отличной от других форм, во-вторых, доказать, что именно эта форма, а не какая-либо другая всегда являлась в эту эпоху социально-историческим организмом. Но ничего даже отдаленно похожего мы в данном разделе работы не находим» (с. 140). Нет этого и в других разделах. Перед Н. М. Гиренко открылась возможность сказать об этом в отклике, но, по-видимому, сказать ему нечего. Понять, что такое племя, когда и как оно возникло, из его монографии невозможно.

Еще раз о теоретическом мышлении. Н. М. Гиренко пишет: «Ю. И. Семенов по существу прав, упрекая меня в отсутствии его логики, отсутствии его искусства теоретически мыслить» (с. 165). «Тут, — заявляет он, — я соглашусь, что между логикой критика и логикой рецензируемого текста обнаруживается существенное различие. Оно заключено в двухмерной логике рецензента и последовательной многомерной логике рецензируемой работы» (с. 165). Двум этим терминам Н. М. Гиренко придает столь большое значение, что выносит в заглавие отклика. Казалось бы, он должен раскрыть значение этих двух фундаментальных для него категорий, тем более что в трудах по логике они отсутствуют. Но, увы, ничего похожего на выявление сущности этих понятий мы в отклике Н. М. Гиренко не находим. Почему, например, он именуется мое мышление двухмерным, а не одномерным или полумерамерным, можно только гадать. Ну а судить, что такое многомерное мышление, можно только по стилю мышления, проявившемуся в книге и отклике.

Н. М. Гиренко упрекает меня в том, что я хочу заставить его мыслить так, как мыслю сам. Ничего подобного. Я упрекаю его за то, что он мыслит с нарушением всех законов логики, а ведь эти законы не мое изобретение. Первые три — закон тождества, закон противоречия и закон исключенного третьего — были четко сформулированы еще Аристотелем, четвертый — закон достаточного основания — Г. В. Лейбницем. К тому же следует учитывать, что данные законы существовали до того, как были сформулированы. И люди всегда, даже не сознавая этого, руководствовались ими. Когда же законы были открыты, стало совершенно ясно, что мышление, не соответствующее с ними, не может привести ни к чему другому, кроме заблуждения.

Собственно, что отстаивает и что оправдывает Н. М. Гиренко, вводя понятие «многомерное мышление»? Насколько можно его понять — право мыслить, не соответствующее законам логики. Однако никто на это его право и не покушается. Просто в таком случае ему следует оставить всякую надежду внести какой-либо вклад в науку. Наука требует теоретического мышления, но к нему невозможно подступиться, не усвоив азов элементарного, эмпирического мышления. А с этими азами Н. М. Гиренко считаться не желает. Поэтому он не только застревает на уровне эмпирического мышления, но и само это мышление лишено у него определенности, последовательности, непротиворечивости, обоснованности и доказательности. Вместо того чтобы осознать его ущербность, он величественно именуется его «многомерным». Если многомерность мышления состоит в отсутствии элементарной логики, то упаси нас боже от такой напасти.

Примечания

- ¹ Васильев Л. С. Аграрные отношения в Китае в начале I тысячелетия до н. э. // Вестник древней истории. 1957. № 2.
- ² Welskopf E. C. Die Produktionsverhältnisse in Alte Orient and in der griechisch-romanischen Antike. Ein Diskussionbetrag. В., 1957 etc.
- ³ Семенов Ю. И. Проблема социально-экономического строя Древнего Востока // Народы Азии и Африки (далее — НАА). 1965. № 4 и др.
- ⁴ См.: Recherches internationales a la lumere marxisme. 1957. № 57—58; Introduction to Soviet Ethnography. V. 2. Berkeley, 1974. Soviet Anthropology and Archeology. 1977. V. 16. № 1; Soviet and Western Anthropology/Ed. E. Gellner. L., 1980.
- ⁵ Семенов Ю. И. Теория общественно-экономических формаций и всемирный исторический процесс // НАА. 1970. № 5; *его же*. Теория общественно-экономических формаций и всемирная история // Общественно-экономические формации. Проблемы теории. М., 1978; Об одном из типов традиционных социальных структур Африки и Азии // Государство и аграрная эволюция в развивающихся странах Азии и Африки. М., 1980 и др.
- ⁶ Семенов Ю. И. К определению понятия «нация» // НАА. 1967. № 4. С. 89.
- ⁷ См. Неретина С. С. История с методологией истории // Вопр. философии (далее — ВФ). 1990. № 9.
- ⁸ Коршунов А., Прокопенко Н., Широков А. Под видом научного поиска // Советская Россия. 28 февраля 1970.
- ⁹ Бутинов Н. А. Происхождение и этнический состав коренного населения Новой Гвинеи // Тр. Института этнографии. Т. 80. М.; Л., 1962; *его же*. Первобытнообщинный строй (основные этапы и локальные варианты) // Проблемы истории докапиталистических обществ (далее — ПИДО). Кн. 1. М., 1968; Кабо В. Р. Первобытная община охотников и собирателей (по австралийским материалам) // Там же.
- ¹⁰ Бахта В. М. Папуасы Новой Гвинеи: производство и общество // ПИДО.
- ¹¹ Бутинов Н. А. Первобытнообщинный строй... С. 131.
- ¹² Там же. С. 99.
- ¹³ Там же. С. 110.
- ¹⁴ Murdock G. P. Social Structure. N. Y., 1965. P. 67—75.
- ¹⁵ Ibid. P. 79.
- ¹⁶ Семенов Ю. И. Проблема начального этапа родового общества // ПИДО.
- ¹⁷ White L. A. The Concept of Evolution in Cultural Anthropology // Evolution and Anthropology: A Centennial Appraisal. Wash., 1959. P. 109.
- ¹⁸ Murdock G. P. Op. cit. P. 218.
- ¹⁹ См.: Советская этнография (далее — СЭ). 1968. № 3. С. 163—170.
- ²⁰ См.: НАА. 1970. № 3. С. 177.
- ²¹ См., например, Семенов Ю. И. О периодизации первобытной истории // СЭ. 1965. № 5. С. 82—87.
- ²² Бахта В. М., Гурьев Д. В., Кузнецов И. Ф. Еще раз о книге Ю. И. Семенова // ВФ. 1965. № 6.
- ²³ Гурьев Д. В. О специфике производственных отношений первобытного общества (в связи с обсуждением концепции Ю. И. Семенова) // СЭ. 1976. № 4. С. 73, 74, 77—79.
- ²⁴ См.: Список основных работ доктора исторических наук Юрия Ивановича Семенова (к 60-летию со дня рождения) // СЭ. 1989. № 5. С. 125—129.
- ²⁵ Gellner E. State and Society in Soviet Thought. Oxford, 1988. P. 24.
- ²⁶ Essays on the Problem of Tribe/Ed. J. Helm. Seattle; L., 1968.
- ²⁷ Fried M. N. The Notion of Tribe. Menlo Park, 1975.

On the Difference Between ad veritatem and ad hominem Argumentation, on Some Episodes of My Scholarly Career and the History of the Soviet Ethnography and Once More on the Book by N. M. Girenko «Sociology of a Tribe»

The article is a part of discussion of the book by N. M. Girenko «Sociology of a Tribe», which was reviewed by the author of this article in the magazine «Etnograficheskoe obozrenie» (№ 5, 1992) and commented by the author of the book (№ 2, 1993). Using the historiography of the pre-class society studies in the USSR, the author describes the conflictual relations between official ideology and social sciences in the 1960s and 1970s. The argumentation of N. M. Girenko is assessed and disproved on the basis of extensive analysis.

Yu. I. Semenov